

Все началось со сказки

С детства ее окружали краски — да и могло ли быть иначе в семье художника. Краски и любимые книги — Андерсен, Гофман, Шварц. Сколько помнит себя Елена Качалаева, столько, кажется, и рисовала она. Удивительный мир, населенный героями сказок, исторических романов, фантастики, оживал на бумаге, и она была его полновластной хозяйкой. Сейчас, спустя годы, трудно определить, как, когда совершился в сознании юной художницы переход к «взрослости», детская, захватывающая и увлекательная игра переросла в сознание «это — мое дело, любимое навсегда». Вряд ли она думала тогда об этом. Просто училась, просто рисовала. Сначала в школе — средней художественной при Суриковском институте, где ученический альбом с неперменными классическими кувшинами и кубами она населяла излюбленными своими принцами и принцессами, грациозными и воздушными. Все казалось простым и ясным — рисуй, и мир удивительный и прекрасный распахнет перед тобой двери. Он был рядом, этот мир, в котором возможны самые невероятные чудеса и сама атмосфера, кажется, пронизана ароматом игры и тайны, — мир театра. Так случилось, что после окончания школы Елена Качалаева поступила на театральное отделение живописного факультета Суриковского института. И тогда вошли в ее жизнь герои Голея и Островского, Шекспира и Шиллера. Со студентами занимались известные мастера театрально-декорационного искусства — В. Рындин, М. Курилко. Ее кумиром был Николай Павлович Акимов, она мечтала учиться у него, но жизнь распорядилась иначе...

С каждым годом, с каждой новой, пока еще не профессиональной работой оттачивалось мастерство. И все же многое потом пришлось постигать сызнова. Первые свои спектакли художница вспоминает без особого удовольствия. Легко творить в тиши просторных классов, когда перед тобой лишь холст, и ты волен дать простор своей фантазии. А как пережить, не растерять это настро-

ение в строгую «заячтость» сцены, как в объемном его пространстве создать зачастую заново найденную еще в эскизах интонацию того или иного произведения? Ведь даже макет — уменьшенная модель декорации — порой не дает возможности совершенно точно представить, как на самом деле будет «выглядеть» спектакль. Шаг за шагом, с каждой новой постановкой приходило постижение законов сценографии. Но и до сих пор самым ответственным, волнующим, а иногда даже мучительным считает художница тот момент в процессе создания спектакля, когда идет монтаж декораций на сцене, ее декораций. Вдруг что-то не так, упустили какую-то деталь. В живописи проще: не понравилось что-то — есть возможность переделать. В театре же такого шанса нет...

В мастерской художницы собраны работы разных лет, в том числе и те, что можно было бы назвать «пробой кисти». Но и в них явственно проступает основная особенность мировосприятия Елены Качалаевой — настойчивый поиск романтического, незаемленного начала. В жизни всегда есть место мечте, надо только суметь взглянуть на окружающий тебя привычный мир удивленными глазами ребенка.

В причудливых изгибах ветвей, листве деревьев затерялись силуэты — чьи? Призраки или люди? Пленники или владыки царства лесной фантазии? Музыкальная, звенящая гамма оттенков зеленого — от нежного до густого — помогает нам перенестись в поэтический мир «Лесной песни» Л. Украинки, поставленной на сцене Центрального детского театра. А вот совсем иное — шутовское и беззаботное, как улыбка ребенка, как праздник, настроение декораций к недавней премьере театра — «Никто не поверит» по мотивам произведения шведского писателя Я. Экхольма. Игра света и тени, подчеркнута тяжелая, мрачная цветовая гамма, уходящая ввысь изломанные своды замка фон Мооров. В таком пластическом выражении предстает основная тема «Разбойников» Ф. Шиллера — романтическая баллада о

жизни и смерти, любви и предательстве. Кажется, самым духом «бури и натиска» веет от декораций спектакля в Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина, спектакля, который художница считает одной из самых удачных своих работ.

Елене Качалаевой свойственно пристальное внимание к актерам. Вглядываясь в лица тех, кто ежевечерне выходит на подмостки сцены, художница словно предлагает нам, зрителям, увидеть и ощутить в обыденности повседневного театрального бытия — репетиций и прогонов, гримерных и кулис — то особое подчас неуловимое настроение праздника, игры фантазии, без которых немислим театр вообще, а тем паче театр для детей. Особенно ярко это ощущается в «Портрете актрисы Л. Гребенчиковой». Живым, наполненным звуками, музыкой, голосами кажется полутемный зрительный зал за спиной стоящей на авансцене актрисы; взгляд ее сосредоточен и задумчив; деталь, не которой акцентирует внимание художница, — прозрачное, зеленоватое покрывало, наброшенное на ее плечи, на современный костюм — джинсы, рубашка. Художница словно приглашает нас на какой-то миг заглянуть в мир души актрисы, понять состояние поиска, сопутствующее репетиции.

Мастерская художника — это, если хотите, зеркало его души, отображение исканий, раздумий, сомнений. Они в эскизах и набросках, макетах и бесконечных вариантах декораций к спектаклям — тем, что уже поставлены и сыграны по многу раз, и тем, что еще пока ждут своего воплощения на сцене. И трудно сказать, какой из них самый дорогой. Может быть, этот? На черном диске Вселенной — человеческий профиль, диковинная бабочка распустила крылья над ослепительной сине-зелено-красной радугой. Таким увидела художница символ спектакля «А все-таки она вертится» по пьесе А. Хмелика, премьеры которого скоро состоится в Центральном детском театре. Таким увидят его зрители — дети и взрослые.

О. ТВЕРИТИНА.